

УДК 323.3

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-3-767-779

Оригинальное исследование

Американская интеллигенция в неолиберальной гегемонии в 1980–2020-е годы: грамшианский анализ

Манукян А.Р. , Талагаева Д.А.

Московский государственный институт международных отношений МИД России,
Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76

E-mail: ar.r.manukyan@mv.mgimo.ru; d.talagaeva@mail.ru

Аннотация. Целью статьи является определение ключевых тезисов и выявление социально-политической опоры «неолиберализма» как интеллектуального течения, служащего оформлением мирового доминирования США в период начиная с 1980-х гг. и по настоящее время. Для анализа такого рода используется теория политической власти А. Грамши, позволяющая проводить линии от интеллектуальных феноменов к политическим силам и далее – к социально-экономическим группам. Главная грамшианская схема, применяемая в настоящей статье, – связь между «гегемонией» как формой политического доминирования, имеющей в том числе интеллектуальное измерение, и историческим блоком – объединением социально-экономических групп, занимающим доминирующее положение. Акцент при этом делается на роли интеллигенции, которой в теории Грамши уделяется ключевая роль в политико-идеологическом оформлении гегемонии. Анализ приводит к следующим основным выводам. Неолиберализм представляет собой эклектичное течение, соединяющее экономические тезисы чикагской и австрийской школ, политический неоконсерватизм и неомарксистскую теорию социальных движений, однако при этом его ядром выступает утверждение неограниченной экономической свободы. Это положение соответствует устойчиво доминирующему положению в неолиберальном блоке финансового капитала. Главной же линией изменения положения интеллигенции был переход от опоры блока на вытесненных из университетского мейнстрима интеллектуалов к кооптации университетского сообщества.

Ключевые слова: неолиберализм, гегемония, неоконсерватизм, интеллигенция, Демократическая партия США, Республиканская партия США

Для цитирования: Манукян А.Р., Талагаева Д.А. 2024. Американская интеллигенция в неолиберальной гегемонии в 1980–2020-е годы: грамшианский анализ. *Via in tempore. История. Политология*, 51(3): 767–779. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-3-767-779

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

American Intellectuals in the Neoliberal Hegemony in the 1980s – 2020s: A Gramscian Analysis

Artak R. Manukyan , Daria. A. Talagaeva

MGIMO University,

76 Vernadsky Ave., Moscow 119454, Russia

E-mail: ar.r.manukyan@mv.mgimo.ru; d.talagaeva@mail.ru

Abstract. The aim of the article is to identify the key theses and socio-political pillars of “neoliberalism” as an intellectual current that serves to formalize U.S. global dominance in the period from the 1980s to the present day. We apply the theory of political power by A. Gramsci, which allows us to draw lines from intellectual phenomena to political forces and, further, to socio-economic groups. The main Gramscian

© Манукян А.Р., Талагаева Д.А., 2024

scheme employed in this article is the connection between “hegemony” as a form of political dominance, which has, among other things, an intellectual dimension, and a historical bloc - an association of socio-economic groups occupying a dominant position. The emphasis is placed on the role of intellectuals, who in Gramsci's theory are given a key role in the political and ideological design of hegemony. The analysis leads to the following main conclusions. Neoliberalism is an eclectic current that combines the economic theses of the Chicago and Austrian schools, political neoconservatism and the neo-Marxist theory of social movements, but at its core lies the assertion of unlimited economic freedom. This position corresponds to the stable dominance of the neoliberal bloc by financial capital. The main line of change in the position of the intelligentsia was the transition from the bloc's reliance on intellectuals displaced from the university mainstream to the co-optation of the university community.

Keywords: neoliberalism, hegemony, neoconservatism, intellectuals, U.S. Democratic Party, U.S. Republican Party

For citation: Manukyan A.R., Talagaeva D.A. 2024. American Intellectuals in the Neoliberal Hegemony in the 1980s – 2020s: A Gramscian Analysis. *Via in tempore. History and political science*, 51(3): 767–779 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-3-767-779

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Неолиберализм редко упоминается в нейтральном ключе. В основном этот термин используется как критическое обозначение современного западноцентричного мироустройства, но понять, какую именно сторону этого мироустройства он подразумевает, не всегда просто, так как в качестве проявлений неолиберализма могут быть обозначены, например, такие, казалось бы, идейно противоположные меры, как, с одной стороны, государственное субсидирование «зеленой энергетики», а с другой – внедрение добывающими корпорациями технологий, про которые заведомо известно, что они наносят серьезный вред окружающей среде (например, «гидроразрыв пластов»). И, что характерно, политические сторонники этих двух отраслей энергетики вполне могут нападать друг на друга как на проводников неолиберализма, в то время как не связанные с ними политики будут маркировать как неолиберализм деятельность всех корпораций в целом.

Пытаться определить содержание «неолиберализма» путем сбора различных версий и вариаций этого понятия вряд ли целесообразно. Более перспективным представляется исследование этого понятия исходя из исторического развития того феномена, для обозначения которого он начал активно использоваться, а именно периода усиления мировых политических и экономических позиций США, начавшегося с 1980-х гг.

Объект и методы исследования

Отправной точкой этого процесса стали преобразования администрации президента Рональда Рейгана, инициированные как ответ на череду кризисов 1970-х гг. В 1990-е же после распада социалистического блока, конкурировавшего с возглавляемым США «свободным миром», решения, выработанные в ходе рейгановских преобразований, стали определяющим образцом не только для стран Запада, но и для всего мира. В дальнейшем этот комплекс политэкономических решений менялся, но тем не менее ядро идей, сложившееся в рейгановскую эпоху, оставалось устойчивым, что и позволяет характеризовать весь период от 1980-х гг. до настоящего времени, включая фазу активной глобализации, как неолиберальный.

Наиболее подходящей моделью для описания эволюции этого комплекса идей представляется «гегемония» А. Грамши. Эта популярная в современной международной политэкономии концепция позволяет объяснять изменения в интеллектуальном обороте в увязке с политическими и экономическими изменениями. Грамши понимает гегемонию как

власть класса, осуществляемую с согласия подвластных, которая происходит из благоприятных для правящего класса отношения сил, раскладываемого на «три момента или ступени» [Грамши, 1959, с. 167]. Первый момент составляют «отношения между социальными силами, тесно связанные с базисом» [Грамши, 1959, с. 168]. Речь идет о соотношении экономических сил, которое определяется позициями классов в производственном процессе. Второй момент – «это соотношение политических сил, то есть оценка того, в какой степени различные социальные группы достигли монолитности, самосознания и организованности» [Грамши, 1959, с. 168]. Здесь отношение групп уже определяется не только их объективным экономическим значением, но и их способностью действовать как класс. Эти отношения разбираются Грамши наиболее подробно и, согласно его подходу, проходят три стадии. Первая стадия – экономико-корпоративная, на которой происходит осознание единства профессиональной группы. На второй стадии возникает солидарность более широкой группы, объединяемой уже не профессиональными, а общими экономическими интересами. И, наконец, «третья стадия несет с собой сознание того, что собственно корпоративные интересы в результате их развития в настоящем и в будущем выходят за корпоративные рамки, за рамки чисто экономической группы и могут и должны стать интересами других подчиненных групп» [Грамши, 1959, с. 169].

Наконец, третий момент, следующий в описании Грамши за разложенным на три стадии вторым моментом, заключается в соотношении военных сил. Возникая в рамках второго момента, гегемония охватывает все три и, хотя исходно и опирается на создаваемое идеологией согласие, определяет в том числе и направление организованного насилия. Необходимым условием такого развития выступает образование исторического блока, который оформляется на второй ступени и одновременно отражает и изменяет производственные отношения, составляющие первый момент.

Как пишет Грамши, «всякая социальная группа, рождаясь на исходной почве существенной функции в мире экономического производства, органически создает себе вместе с тем один или несколько слоев интеллигенции, которые придают ей однородность и сознание ее собственной роли» [Грамши, 1991, с. 327], и таким образом играют ключевую роль в установлении гегемонии. Важным моментом теории Грамши было и то, что, исследуя образование гегемонии главным образом на национальном уровне, он прямо указывал на то, что эти процессы захватывают и международное поле.

Результаты и обсуждение

Возникновение неолиберализма

Соответственно, если рассматривать с этих позиций неолиберализм, то он выступает одновременно оформлением правления определенного исторического блока в США и гегемонии Америки и ее союзников в мире. При этом очевидно, что, несмотря на то что между гегемонией, сложившейся в 1980-е гг., и ныне существующей гегемонией есть прямая преемственность, поддерживающий ее исторический блок претерпел за прошедшие десятилетия существенные изменения. Исходно неолиберализм в США возник как модель экономики, продвигаемая альянсом, который противостоял блоку, оформленному «кейнсианским консенсусом». В основе этого консенсуса лежало признание взаимосвязи интересов капитала и труда: за данность принималось, что благополучный труд повышает производительность и одновременно спрос на промышленную продукцию. Возможность продолжительного функционирования такой модели держалась на широких экспортных возможностях, обеспеченных технологическим и промышленным превосходством США над всем миром, которым они завладели в послевоенную эпоху [Pass, 2019].

За государством, соответственно, признавалось право контролировать рынок капитала, изымая значительную часть прибыли в виде налогов и распределяя ее по своему

усмотрению. В свою очередь, международная финансовая система, созданная Бреттон-Вудским соглашением 1944 г., представляла собой механизм взаимодействия суверенных финансовых систем, гарантом которого выступали США как эмитент резервной валюты, обеспеченной золотом. Естественно, закрепление финансового суверенитета государств существенно ограничивало возможности финансового капитала, ограничивая его международные перемещения.

В интеллектуальном же плане кейнсианский период характеризуется выдвиганием экономической науки в качестве главного инструмента государственного управления, а экономического образования – в качестве главной квалификации для участия в нем. В это время экономика превращается в математизированную «техническую» дисциплину, претендующую на объективное и ценностно-нейтральное отражение действительности. В понимании многих из адептов новой экономической теории реализовать преимущества математизированного знания могла позволить только полноценная плановая экономика, но в итоге распространенность этих взглядов лишь послужила дополнительной причиной для возвышения кейнсианства: социалистические идеи создавали фон, на котором кейнсианство воспринималось как разумный компромисс. И в результате именно это течение стало теоретической основой альянса, с одной стороны, значительно усилившего положение управленческого аппарата и вовлеченной в него интеллигенции, с другой – сохранившего частное владение предприятиями в качестве основы экономической системы [Mirowski, 2002].

Но, хотя кейнсианская экономика и заняла центральное место в академической экономтеории, сторонники ранее господствовавшей в экономической мысли неоклассической школы сумели сохранить за собой ряд опорных позиций, главной среди которых был Чикагский университет, развивавшийся, как известно, благодаря прямой поддержке семьи Рокфеллеров, которая к 1960-м гг. превратилась в один из столпов американского финансового капитала. И экономисты, работавшие в Чикагском университете, в значительной степени выражали стремление капитала вернуть себе свободу действий, которой он обладал в эпоху до Великой депрессии [Ebenstein, 2015].

Выдвижение нового исторического блока происходило постепенно. Важной линией его становления была международная консолидация капитала, отмеченная в том числе учреждением Трехсторонней комиссии – лоббистской, по сути, организации, целью которой было объединение политических усилий американского, европейского и японского капитала. Инициатором создания комиссии выступил глава банковской Корпорации Чейс Манхэттен Дэвид Рокфеллер, а главную роль в организации сыграл его советник по международным делам Збигнев Бжезинский, в дальнейшем занявший пост советника по национальной безопасности в администрации президента Джимми Картера. Сам Картер также входил в первый состав комиссии, в котором вместе с ним фигурировал Пол Волкер, в дальнейшем возглавивший Федеральную резервную систему при картеровской администрации и сохранивший этот пост при рейгановской [Knudsen, 2016]. И именно П. Волкер стал ассоциироваться с наиболее последовательным воплощением монетаристской теории Фридмана, согласно которой правительство не может влиять на направление развития деловых циклов – ускорение или замедление экономики, по сути, естественные процессы, – но может способствовать сокращению фазы замедления, регулируя объем доступных денег и препятствуя разгону инфляции. Реализацией этой теории стал «волкеровский шок» – постепенное повышение учетной ставки ФРС, достигшее в итоге 20 %, что, хотя в итоге и привело к снижению инфляции, повлекло за собой обвал инвестиций в производство и, соответственно, рекордный рост безработицы.

Пик антиинфляционной политики П. Волкера пришелся уже на президентство Рейгана, с победой которого ассоциируется оформление неолиберального блока. Главные участники этого блока хорошо видны по рейгановской бюджетной политике, которую часто критикуют за непоследовательность: курс на сокращение налогообложения и расходов

федерального правительства сочетался в ней с ростом военных расходов. Первая позиция понятным образом отвечала интересам финансового капитала, вторая – работала на военно-промышленный комплекс. И альянсу этих двух групп прямо способствовали американские особенности военного снабжения: в США вооружения – вплоть до ядерных боеголовок – производятся частными корпорациями, извлекающими из этого процесса прибыль и открытыми для инвестиций [Балышев, Коннов, 2015]. В результате сложилась ситуация, в которой инвестиции в военно-промышленный комплекс фактически обеспечивали финансовому капиталу обогащение за счет налогов, поступающих от других экономических субъектов.

Этот альянс predetermined, что неолиберализм 1980-х гг. приобрел принципиально иное содержание, нежели предшествующий либерализм «невмешательства» («laissez faire»). Главным теоретиком этой новой версии стал Фридман, и именно в его взглядах проявились две ключевые черты, отличающие его от предшествующих либеральных теорий. Это, во-первых, понимание экономической свободы как основополагающей, без которой все остальные свободы не могут быть реализованы и по большому счету не имеют смысла. Во-вторых, понимание государства не как препятствия рынку, а как главного инструмента его защиты и распространения [Friedman, 1951]. И как раз в этом последнем моменте экономическая концепция неолиберализма встречается с политическим учением неоконсерватизма, которое стало второй опорой рейгановской политики.

По сути, неоконсерватизм представлял собой либеральный прозелитизм, ассоциирующийся в первую очередь с философом Лео Штраусом – выходцем из Германии, который отстаивал точку зрения, что либеральные и иудео-христианские ценности требуют агрессивного продвижения, так как в противном случае они не смогут победить в противостоянии с радикализмом правого и левого толка. Упрощенную форму политической доктрины эти идеи приобрели благодаря таким авторам, как Ирвинг Кристол, Норман Подгорец и ряд др. [Friedman, 2006]. Данное течение, со временем превратившееся в политическую доктрину Республиканской партии, прямо сказалось на внешней политике рейгановской администрации, особенно в том, что касается переключения от «разрядки» в отношениях с Советским Союзом к противостоянию ему как «империи зла». Такое целенаправленное обострение, естественно, требовало укрепления вооруженных сил и роста военных расходов. И, таким образом, объединение неоконсерваторов с неолибералами в одной общей идеологии, сочетавшей представления о неограниченной экономической свободе с ригидной политической позицией, оформило блок финансистов и военных. В проигрыше же оказались производственные корпорации и профсоюзы, объединявшие рабочих, однако их сопротивление удалось преодолеть благодаря выходу из экономической стагнации, обеспеченному бумом в секторе услуг и расширением кредитования населения.

Другой группой, интересы которой потеснил рейгановский блок, была университетская интеллигенция. Характерно, что интеллектуалы, оформившие этот блок, были связаны либо с выбивающимися из мейнстрима университетами, как Фридман, либо с редакциями независимых от университетского мира журналов, как Кристол и Подгорец. Другой опорой рейгановской органической интеллигенции стали созданные в 1970-е гг. консервативные интеллектуальные центры, такие как Фонд «Наследие» и Институт Катона [Stahl, 2016]. Основные же университеты чаще всего представляли кейнсианские или даже социалистические, по сути, взгляды – в этом смысле президент Р. Никсон в свое время характерно «припечатал» Гарвардский университет как «кремль на Чарльзе» [Curie, 2023]. То, что университеты исходно тяготеют к левому политическому флангу, отмечал в 1970-е гг. выдающийся американский социолог Т. Парсонс: политика левого толка всегда предполагает более широкие изменения и представляет большие возможности для участия образованного класса, нежели правая политика, исходно предпочитающая спекулятивным построениям традиционные образцы [Parsons, Platt, 1973]. Неолиберализм же предполагал не только сво-

рачивание проектов, предполагающих планирование экономической жизни, но и сокращение университетских привилегий в области осуществления их собственных функций: образование и научные исследования трактовались им не как особые виды деятельности, требующие специальных условий, а как оказание услуг и выполнение подрядов, которые вполне можно осуществлять на коммерческой основе [Muench, 2014].

Высшая точка успеха рейгановского блока пришлась на президентство Джорджа Буша: распад социалистического альянса открыл американскому капиталу ранее недоступную ему часть Европы, а Иракская война 1990 г. продемонстрировала, что американская армия совершила технологический рывок, обеспечивающей ей явное мировое лидерство. Однако в результате сложилась противоречивая ситуация: потребность в армии, только что продемонстрировавшей свою эффективность, резко упала в результате исчезновения главного стратегического противника. Относительная привлекательность же ВПК для финансового капитала сократилась, после того как открылись возможности извлекать сверхприбыли из включения бывших социалистических стран в мировую финансовую систему.

Социал-либерализм и глобализм

Показательной с точки зрения этого перелома стала неожиданная победа Билла Клинтона над, казалось бы, успешным действующим президентом Дж. Бушем. Главным экономическим событием этого периода становится выдвижение в качестве флагмана американской экономики инфокоммуникационной или электронной отрасли. Ее появление было результатом перепрофилирования и превращения в массовую продукцию технологий, созданных в 1960–70-е гг. для решения военных задач, – микропроцессоров, децентрализованных систем связи, графического интерфейса и др. Таким образом, модель успеха этой отрасли была основана на коммерциализации результатов, ранее полученных научно-исследовательским сектором за счет государственных субсидий. И с университетами, составляющими ядро этого сектора, также связывалось дальнейшее развитие отрасли: ее характерной особенностью был чрезвычайно короткий шаг от научной разработки до продукции – алгоритмы, программы, математические решения, создаваемые в порядке научной работы, зачастую моментально могли быть превращены в коммерческую продукцию.

И именно в этом узле инфокоммуникационной отрасли вовлеченной в ее работу части научного сообщества, а также финансового капитала возникает гегемония, ассоциирующаяся с современным теперь уже глобальным неолиберализмом. Главенствующую роль в новом блоке играет все тот же финансовый капитал, который начиная с 1980-х гг. постепенно увеличивал свою относительную долю в экономике западных стран по отношению к производственному капиталу. Сохранение его преимущественного положения требует возможности инвестиций с высоким уровнем прибыли, обеспечить который можно лишь в ограниченном числе случаев, в частности за счет экономического освоения технологических прорывов. Как раз такую возможность дает электронная индустрия, при том что важное условие ее сверхприбыльности заключается в перекладывании значительной части затрат на научный сектор, финансируемый преимущественно государством. Соответственно, та часть научного сектора, которая задействована в этом процессе, также включается в исторический блок. И то, что одним из главных моментов в оформлении гегемонии этого блока становится представление о естественно развивающемся процессе глобализации, буквально отражает объединяющий блок интересов: и финансовый сектор, и инфокоммуникационный, и часть научного сообщества, ориентированная на развитие унифицированного компьютеризированного знания, прямо зависят от перспектив формирования глобальной экономики на основе общих для всех стандартов.

Ослабление позиций военного крыла, а также заинтересованность финансового капитала в прямом и косвенном субсидировании высокотехнологичных фирм логичным образом связаны с усилением гражданской бюрократии. Ее положение в клинтоновском блоке оформляется концепцией «третьего пути», которую оформил социолог Э. Гидденс [Giddens,

1998]. В основе здесь – преобразование бюрократии по неолиберальному канону, на принципах конкурентности, материальной заинтересованности и измеримости результатов, а ее главная задача теперь понимается как внедрение рыночных механизмов во все возможные области. Распространение коммерческого этоса на такие ранее отделенные от рынка сферы, как медицина и образование, сопровождается смягчающей риторикой о «социальной ответственности» современного бизнеса, которая предположительно должна происходить из понимания зависимости бизнеса от сложного социального организма и необходимости поддерживать его в функциональном состоянии.

Характерной чертой этой программы, которую оправданно охарактеризовать как «социал-либерализм», было одновременное потакание интересам финансового капитала и расширение гражданских расходов правительства. Экономическим основанием проводить подобную политику, ведущую к постоянному бюджетному дефициту, служила «новая теория роста». Разработанная кругом экономистов, наиболее заметным среди которых был Пол Ромер, теория претендовала на то, что преодолела проблему сокращения прибыли на капитал, сопровождающего движение рынков к равновесию. Согласно теории, решением данной проблемы являются «инновации», которые постоянно создают новые рынки, используя фактически неограниченный ресурс – знание [Romer, 1990]. И в этой картине практически бесконечный рост может быть обеспечен сочетанием свободы предпринимательства, осуществляющего коммерческую реализацию знания, и поддержки мощного научного сектора, поставляющего эти знания. Эту поддержку должно обеспечить государство: сеть университетов и других научных организаций необходимо развивать по аналогии с материальной инфраструктурой, процесс создания которой не позволяет извлекать прибыль, а значит, не может быть обеспечен частными экономическими субъектами [O'Donnovan, 2022].

Эта схема опиралась на образец электронного сектора: знания, созданные специалистами по информатике или приобретенные выпускниками компьютерных факультетов, напрямую поступали в коммерческий оборот, где начинали создавать прибыль. И нужно отметить, что подъему инфокоммуникационной отрасли сопутствовали существенные перемены в самих университетах, которые характеризуются как переход к «академическому капитализму» [Slaughter, Rhoades, 2009]. Та часть университетских ученых, которая оказалась вовлечена в работу приносящей сверхприбыли отрасли, сумела благодаря этому привлечь значительные средства и, конечно же, существенно усилить свои позиции внутри общества. Нужно также учитывать и общую ситуацию, которая складывалась вокруг финансирования исследований начиная с 1970-х гг.: отдача от колоссальных вложений предшествующих двух десятилетий заметно ослабла – фундаментальные прорывы, аналогичные созданию лазера или космическим пилотируемым полетам, практически прекратились, поток же новых технологий, основанных на достижениях предшествующих десятилетий, больше ассоциировался с компаниями-производителями, чем с научным сообществом. В этой ситуации университеты не преминули использовать участие компьютерных кафедр в создании высокоприбыльного электронного сектора как доказательство оправданности их собственного финансирования, а внутри университета – как образец для всех других дисциплин. По сути дела, именно в превращении компьютерных подразделений в модель для университета в целом и заключался «академический капитализм».

В 1990-е гг. электронный сектор также стал основным предметом внимания обеих парламентских партий США, которые, как отмечает американский историк Г. Герстл, пытались превзойти друг друга в том, кто обеспечит ему лучшие перспективы развития [Gerstle, 2022]. Но уже к 1997 г. доходность электронной индустрии достигла своего пика и начала снижаться [Moseley, 2003, p. 221], а в 2000 г. пузырь, раздутый на рынке акций интернет-компаний, лопнул. По сути, это было демонстрацией несостоятельности «новой экономики», которая претендовала на то, чтобы обеспечить постоянный рост за счет потока

инноваций. Одновременно в главной экономике мира нарастали другие негативные тенденции: рост долгов (внешнего государственного, корпоративного и задолженности домохозяйств), усиление неравенства, сокращение производственной экономики [Field, 2005].

На этом фоне более заметными становились голоса потесненного во власти неоконсервативного крыла рейгановского блока, которое видело ключ к американскому благополучию в военно-политической экспансии. После включения в орбиту США Восточной Европы в качестве главной внешнеполитической цели рассматривался Ближний Восток. Американцы помнили, какую роль ближневосточные нефтяные экономики сыграли во время кризисных 1970-х, взвинтив цены на нефть, а затем, после улучшения отношений с США, – в экономической войне против СССР, сыграв на понижение этих же цен. И экономическая сторона плана неоконсерваторов заключалась в том, что на фоне провала проекта «новой экономики» США должны использовать возможность обеспечить себе мировое экономическое лидерство за счет ближневосточных ресурсов.

Победа Джорджа Буша – младшего на президентских выборах 2000 г. вновь привела эту группу к контролю над внешней политикой США, и уже на первом заседании нового состава Совета национальной безопасности был поставлен вопрос об интервенции в Ирак [Suskind, 2004, p. 72], контролировавший в этот период более 10 % мировых запасов нефти [International Monetary Fund, 2005]. Характерно, что именно в этом направлении внешнеполитический аппарат Буша пытался перенаправить и реакцию на теракт 11 сентября 2001 г., но в итоге инициировать войну против Ирака удалось только в 2003 г. В этот же период в американском внешнеполитическом аппарате циркулируют идеи военных акций против Сирии, Ливана, Ливии, Ирана, Сомали и Судана, которые вместе с уже начатыми иракской и афганской операциями соединялись в план пятилетней военной кампании или даже «Четвертой мировой войны» (в этом видении роль третьей играла холодная война) [Clarke, 2004].

В целом политика первого президентского срока Джорджа Буша – младшего (2001–2004 гг.) представляла собой попытку оживить основные моменты рейгановской программы: опору на американское христианство, свободу предпринимательства и наступательную внешнюю политику. Но во время второго срока (2004–2008 гг.) на всех этих направлениях его администрация столкнулась с серьезными проблемами. Американские протестантские конфессии теряли влияние, по мере того как все большую долю населения составляли мигранты. Экономическая политика «дерегулирования» обернулась финансовой катастрофой, начавшей разворачиваться в 2007 г. А агрессивная внешняя политика вылилась в затяжные дорогостоящие войны, не принесшие значимых приобретений.

На этом фоне начинается процесс очередной «пересборки» неолиберального исторического блока. Несмотря на то что деятельность финансового капитала привела к кризису 2008 г., он сохраняет доминирующее положение в экономике. А вот комбинация отраслей, способных обеспечить высокую рентабельность и, соответственно, претендовать на политическое влияние наряду с финансистами, изменилась. Прежде всего к моменту избрания Барака Обамы на почти оппозиционные позиции оттесняется ресурсодобывающий сектор. В то же время преимущественное положение сохраняет электронный сектор, в котором теперь доминирует конгломерат глобальных монополистов, извлекающих значительную часть прибыли за пределами США. А в секторе услуг продолжают наращивать вес здравоохранение и образование. В 1990-е гг. университетский сектор испытал подъем – помимо электронного бума, на этот период пришлось стремительное расширение программы кредитов на образование и одновременно рост числа зарубежных студентов, фактически снявшие бюджетные ограничения на расширение университетов. Это заметно увеличило экономический вес университетов и, соответственно, способствовало продвижению собственной политической программы университетской интеллигенции.

Шанс на более последовательную реализацию этой программы ассоциировался с победой демократа Б. Обамы. После военных и финансовых провалов бушевского периода

смена правящей партии подразумевала усиление бюрократии в ее противостоянии с капиталом, а внутри самой бюрократии – усиление гражданского крыла по отношению к военному. К гражданской бюрократии, соответственно, примыкает аппарат международных организаций, а также образование и медиа, которые выказывали местами буквально фанатичную поддержку Б. Обаме. Однако все меры его администрации, нацеленные на реальное усиление государственного аппарата по отношению к капиталу, размываются в ходе законодательного процесса. Это видно на примере крупнейших обамовских инициатив – законов «О реформе Уолл-Стрит и защите потребителей» (известного как закон Додда – Фрэнка), призванного ограничить спекулятивные операции, и «О доступной помощи», вводившего обязательное медицинское страхование: оба законопроекта дошли до утверждения существенно усеченными в своем охвате.

Реальные же преобразования подменяются политическими акциями в духе «политики идентичностей». В этом смысле показательно, что движение «Black Lives Matter» расширяется и активно действует, а «Occupy Wall Street» быстро сворачивается. Особое же значение приобретает защита прав мигрантов, которые представляют собой одновременно дешевую рабочую силу и способ ударить по протестной массе американских рабочих, которые в условиях резкого расширения предложения труда теряют последние рычаги влияния. И в целом альянс «угнетенных», включающий «Black Lives Matter», движение «LGBT»¹⁷² и др. и пользующийся всесторонней поддержкой медиа и бюрократии, по факту противопоставляется недовольству населения, пострадавшего от падения производственной экономики. Эти моменты и задают содержание складывающейся в период президентства Б. Обамы версии неолиберализма, которая ассоциируется с этим термином на сегодняшний день. В глобальном же плане эта идеология подразумевает мир, объединенный под патронажем международных институтов, в которых доминирует США и для которых главным приоритетом выступает свобода перемещения капитала – именно этот вопрос стоял в центре двух крупнейших международных инициатив обамовской администрации – Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства и Транстихоокеанского партнерства.

Блок Д. Трамп

Как известно, переговоры о Трансатлантическом партнерстве не дали результата, а участие США в Транстихоокеанском партнерстве было прекращено президентом Д. Трампом. И альянс, который привел Д. Трампа в Белый дом, по сути, объединял несогласные с глобалистской стратегией сегменты всех важных экономических групп. План его администрации был нацелен на реиндустриализацию Америки – потенциально прибыльный проект, но неизбежно ведущий к торговому конфликту с Китаем, который ставит под удар единство мировой финансовой системы. Ключевой шаг на этом пути, который администрации Д. Трампа удалось предпринять, – расширение американской добывающей промышленности, нацеленное на превращение США в энергетически независимую экономику, которая бы пользовалась преимуществом низких цен на энергоносители. Возможно, именно в этом крылась главная причина его конфликта с ядром Республиканской партии, тесно связанным с американскими нефтяными гигантами: такая политика угрожала им падением стоимости и топлива и контролируемых ими активов, в том числе зарубежных. Тем не менее Д. Трамп пользовался поддержкой части финансового капитала – той, которая сосредоточена в активах, слабо зависящих от государственных субсидий и заказов.

В свою очередь, электронный сектор исходно не имел единой позиции по кандидатуре Д. Трампа, и среди заметных фигур индустрии были те, кто оказывал ему поддержку, в частности, основатель «Renaissance Technologies» Роберт Мерсер и сооснователь «Pay Pal» и «Palantir Technologies» Питер Тил. Но в 2020 г. против Д. Трампа организованно выступили электронные монополисты – как показало опубликование внутренней переписки корпорации «Twitter», под давлением со стороны правительственных служб [Norton, 2022].

¹⁷² Запрещено в России.

Что же касается органической интеллигенции трамповского блока, то ее ядром стал «интеллектуальный даркнет», под которым подразумевались интеллектуалы, выбивающиеся из университетского и медийного мейнстрима и ставшие популярными благодаря интернет-вещанию. Сообщество, к которому применялось это понятие, отличалось разнообразием, и далеко не все его представители симпатизировали Д. Трампу, однако по мере роста агрессивности движения, продвигавшего радикализированную социал-либеральную повестку, которое получило название «woke» – «пробужденные», – нетерпимость этого движения к инакомыслию подтолкнула к сближению всех его противников.

Несмотря на разнообразие «органической интеллигенции» трамповского блока, существует черта, которая исключает участие в ней: защита социалистических или коммунистических взглядов здесь исключена. В американском политическом обороте приверженность социализму встречается в радикальном крыле Демократической партии, которую на партийных выборах 2016 г. представлял сенатор Берни Сандерс. Однако даже его программа подразумевала не более чем движение в сторону социал-демократии западноевропейского образца. Последовательно социалистические идеи, связанные с «обобществлением средств производства» или занятием «командных высот» в экономике, остаются табуированными на обоих флангах американского политикума.

Однако внутри этих рамок к 2020 г. поляризация между двумя партиями достигла предела. Победить кандидату от демократов Джо Байдену удалось только благодаря мобилизации всего социал-либерального блока. За этим последовал ряд разворотов от политики, проводимой Д. Трампом, наиболее значимый среди которых произошел в миграционном вопросе – от строительства стены на границе с Мексикой к практически бесконтрольному людскому потоку – за три года байденовской администрации в страну въехало более 7 миллионов нелегальных мигрантов [Pandolfo, 2024].

Однако, несмотря на радикальные меры, социал-либеральному блоку не удастся добиться прочного положения [Журавлева, 2022]. Централизованный контроль над электронным сектором был, очевидно, утрачен, о чем говорит открытый переход на сторону трампистов владельца крупнейшего состояния в мире Илона Маска вместе с купленной им у прежних владельцев платформой «Twitter», активно использовавшейся в противодействии Д. Трампу в 2020 г. Что же касается позиций глобального финансового капитала, то они находятся под постоянной угрозой наступления со стороны Китая, который обладает достаточными ресурсами, чтобы лишить доллар положения мировой валюты, но, осознавая взаимозависимость американской и китайской экономик, ведет себя осторожно. Положение глобального капитала стало еще более шатким после провала антироссийских рестрикций, которые не достигли заявленных целей и при этом нанесли реальный ущерб участвовавшим в них корпорациям и репутационный – западному финансовому сектору в целом [Rapoza, 2023].

В свою очередь, военно-промышленный комплекс также расколот. Конфронтационная позиция, которую Д. Трамп продвигает в отношении Китая, в целом отвечает интересам ВПК, однако связанный с этим антиглобализм, направленный в том числе и на пересмотр участия США в НАТО, угрожает той значительной части военной бюрократии и военных подрядчиков, которые включены в систему международного военного сотрудничества. Потенциально давление Трампа на страны – участницы НАТО с целью увеличить их оборонные расходы может быть выгодно ВПК, однако сопровождающие риски разрушения существующих структур и договоренностей многими воспринимаются как неприемлемые [Корощупов, 2023].

В идейном поле отражением этого напряжения выступает конфликт между неоконсерваторами, последовательно выражающими интересы военно-промышленного истеблишмента, и интеллектуалами, играющими роль органической интеллигенции трамповского блока. К настоящему моменту неоконсерваторы фактически присоединились к традиционной интеллигенции социал-либерализма.

Заключение

Подобные компромиссы, конечно, имеют следствием падение популярности обоих течений, вызывая неприятие у их наиболее последовательных приверженцев и подрывая способность этих течений побуждать к действию. Однако подобные тенденции в целом характерны для традиционных интеллигенций. В этом слабость защищающегося, который вынужден отстаивать накопившую противоречия доктрину перед лицом новых идей, еще не прошедших испытание попыткой реального воплощения. В свою очередь, органическая интеллигенция, не имеющая возможности претворять свои тезисы в жизнь и занятая главным образом критикой господствующей на данный момент идеологии, может выдвигать логически стройные, вдохновляющие идеи.

Однако, несмотря на обострение в США политической ситуации, дискурс главных противостоящих сторон не выходит за рамки неолиберализма, продолжая представлять два его крыла – консервативное и социал-либеральное. И то и другое ставят во главу угла интересы финансового капитала, доминирующего в американской экономике, но при этом представляют две разные стратегии: консерваторы склонны сделать ставку на национальную ресурсно-производственную экономику, даже если ради этого придется понести ущерб из-за распада глобальной финансовой системы, социал-либералы больше рассчитывают на последнюю и на возможность извлекать прибыль из зарубежных инвестиций, даже если для этого придется смириться с утратой национальной производственной и ресурсной независимости. Но, несмотря на эти различия, оба крыла опираются на представления о фактической безальтернативности рыночной экономики с высоким уровнем свободы инвестиций. И если президентские выборы в ноябре 2024 г. могут изменить приоритеты американской политики, то, во-первых, перемены неизбежно будут слабее, чем те, которые содержатся в предвыборных обещаниях, а, во-вторых, главный неолиберальный императив – защита интересов финансового капитала – неизбежно сохранится.

Список литературы

- Бальшев А.В., Коннов В.И. 2015. Формирование научной составляющей оборонного заказа США. Вестник МГИМО Университета, 6: 155–164.
- Грамши А. 1959. Избранные произведения в трех томах. Том третий. Тюремные тетради. М., Издательство иностранной литературы. 565 с.
- Грамши А. 1991. Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. М., Издательство политической литературы. 560 с.
- Журавлева В.Ю. 2022. Левая дилемма Дж. Байдена и демократической партии. Мировая экономика и международные отношения, 12: 5–15.
- Корощупов В.О. 2023. Оборонная промышленность Европы: актуальные вызовы и возможные пути развития. США и Канада: экономика, политика, культура, 11: 27–41.
- Clarke W. 2004. *Winning Modern Wars: Iraq, Terrorism and the American Empire*. New York: Public Affairs. 240 p.
- Currie D. 2023. «Kremlin on the Charles» No More? The Washington Examiner. Sunday, November 19. URL: <https://www.unz.com/pgotfried/kremlin-on-the-charles/> (accessed 24 August 2024)
- Ebenstein L. 2015. *Chicagonomics*. New York, St Martin's Press. 304 p.
- Field A. 2005. Technical Change and US Economic Growth: The Interwar Period and the 1990s. Rhode P., Toniolo G. (eds.) *The Global Economy in the 1990s*. Cambridge, Cambridge University Press, 89–117.
- Friedman M. 1951. Neo-Liberalism and its Prospects. *Farmand*. 17 February 1951, 89–93.
- Friedman M. 2006. *The Neoconservative Revolution*. New York, Cambridge University Press. 310 p.
- Gerstle G. 2022. *The Rise and Fall of the Neoliberal Order*. New York, Oxford University Press. 432 p.
- Giddens A. 1998. *The Third Way*. Cambridge, Polity Press. 166 p.
- International Monetary Fund. 2005. *Oil Market Developments and Issues*. Washington, D.C.: International Monetary Fund, 17. URL: <https://www.elibrary.imf.org/view/journals/007/2005/001/article-A001-en.xml> (accessed 24 August 2024)
- Knudsen D. 2016. *The Trilateral Commission and Global Governance*. New York, Routledge. 272 p.
- Mirowski P. 2002. *Machine Dreams*. Cambridge, Cambridge University Press. 672 p.

- Moseley F. 2003. *Marxian Crisis Theory and the Postwar US Economy*. Saad-Filho A. (ed.) *Anti-Capitalism: A Marxist Introduction*. London, Pluto Press. 280 p.
- Muench R. 2014. *Academic Capitalism: Universities in the Global Struggle for Excellence*. New York, Routledge. 298 p.
- Norton T. 2022. Hunter Biden's Laptop and 'Twitter Files'—What We Do Know, What We Don't. URL: <https://www.newsweek.com/hunter-biden-laptop-twitter-files-1765395> (accessed 24 August 2024)
- O'Donovan N. 2022. *Pursuing the Knowledge Economy*. Newcastle, Agenda Publishing. 232 p.
- Pandolfo C. 2024. 7.2M Illegals Entered the US under Biden Admin. URL: <https://www.foxnews.com/politics/illegal-immigrants-biden-admin-amount-greater-population-36-states> (accessed 24 August 2024)
- Parsons T., Platt G. 1973. *The American University*. Cambridge, Harvard University Press. 463 p.
- Pass J. 2019. *American Hegemony in the 21st Century*. New York, Routledge. 276 p.
- Rapoza K. 2023. How Western Sanctions Blow Back, Hurting Europe, Deepening Asian Integration. URL: <https://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2023/06/08/the-russian-sanctions-still-burden-europes-weak-economy-and-society/> (accessed 24 August 2024)
- Romer P. 1990. Endogenous Technological Change. *Journal of Political Economy*. 5(2): 71–102.
- Slaughter S., Rhoades G. 2009. *Academic Capitalism and the New Economy*. Baltimore, The Johns Hopkins University Press. 384 p.
- Stahl J. 2016. *Right Moves*. Chapel Hill, University of North Carolina Press. 264 p.
- Suskind R. 2004. *The Price of Loyalty: George Bush, the White House, and the Education of Paul O'Neill*. New York, Simon and Schuster. 432 p.

References

- Balyshev A.V., Konnov V.I. 2015. Formirovanie nauchnoj sostavljajushhej oboronogo zakaza SShA [Formation of the Scientific Component of the US Defense Order]. *Vestnik MGIMO Universiteta*, 6: 155–164.
- Gramshi A. 1959. *Izbrannye proizvedeniya v treh tomah. Tom tretij. Tjuremnye tetradi* [Selected Works in Three Volumes. Volume Three. Prison Notebooks] M., Izdatel'stvo inostrannoj literatury. 565 p.
- Gramshi A. 1991. *Tjuremnye tetradi* [Prison Notebooks]. V 3 ch. Ch. 1. M., Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 560 p.
- Zhuravleva V.Ju. 2022. Levaja dilemma Dzh. Bajdena i demokraticeskoy partii [The Left Dilemma of J. Biden and the Democratic Party]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 12: 5–15.
- Koroshhupov V.O. 2023. *Oboronnaja promyshlennost' Evropy: aktual'nye vyzovy i vozmozhnye puti razvitiya* [European Defense Industry: Current Challenges and Possible Ways of Development]. *SShA i Kanada: jekonomika, politika, kul'tura*, 11: 27–41.
- Clarke W. 2004. *Winning Modern Wars: Iraq, Terrorism and the American Empire*. New York: Public Affairs. 240 p.
- Currie D. 2023. «Kremlin on the Charles» No More? *The Washington Examiner*. Sunday, November 19. URL: <https://www.unz.com/pgottfried/kremlin-on-the-charles/> (accessed 24 August 2024)
- Ebenstein L. 2015. *Chicagonomics*. New York, St Martin's Press. 304 p.
- Field A. 2005. Technical Change and US Economic Growth: The Interwar Period and the 1990s. Rhode P., Toniolo G. (eds.) *The Global Economy in the 1990s*. Cambridge, Cambridge University Press, 89–117.
- Friedman M. 1951. Neo-Liberalism and its Prospects. *Farmand*. 17 February 1951, 89–93.
- Friedman M. 2006. *The Neoconservative Revolution*. New York, Cambridge University Press. 310 p.
- Gerstle G. 2022. *The Rise and Fall of the Neoliberal Order*. New York, Oxford University Press. 432 p.
- Giddens A. 1998. *The Third Way*. Cambridge, Polity Press. 166 p.
- International Monetary Fund. 2005. *Oil Market Developments and Issues*. Washington, D.C.: International Monetary Fund, 17. URL: <https://www.elibrary.imf.org/view/journals/007/2005/001/article-A001-en.xml> (accessed 24 August 2024)
- Knudsen D. 2016. *The Trilateral Commission and Global Governance*. New York, Routledge. 272 p.
- Mirowski P. 2002. *Machine Dreams*. Cambridge, Cambridge University Press. 672 p.
- Moseley F. 2003. *Marxian Crisis Theory and the Postwar US Economy*. Saad-Filho A. (ed.) *Anti-Capitalism: A Marxist Introduction*. London, Pluto Press. 280 p.
- Muench R. 2014. *Academic Capitalism: Universities in the Global Struggle for Excellence*. New York, Routledge. 298 p.

- Norton T. 2022. Hunter Biden's Laptop and 'Twitter Files'—What We Do Know, What We Don't. URL: <https://www.newsweek.com/hunter-biden-laptop-twitter-files-1765395> (accessed 24 August 2024)
- O'Donovan N. 2022. Pursuing the Knowledge Economy. Newcastle, Agenda Publishing. 232 p.
- Pandolfo C. 2024. 7.2M Illegals Entered the US under Biden Admin. URL: <https://www.foxnews.com/politics/illegal-immigrants-biden-admin-amount-greater-population-36-states> (accessed 24 August 2024)
- Parsons T., Platt G. 1973. The American University. Cambridge, Harvard University Press. 463 p.
- Pass J. 2019. American Hegemony in the 21st Century. New York, Routledge. 276 p.
- Rapoza K. 2023. How Western Sanctions Blow Back, Hurting Europe, Deepening Asian Integration. URL: <https://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2023/06/08/the-russian-sanctions-still-burden-europes-weak-economy-and-society/> (accessed 24 August 2024)
- Romer P. 1990. Endogenous Technological Change. *Journal of Political Economy*. 5(2): 71–102.
- Slaughter S., Rhoades G. 2009. Academic Capitalism and the New Economy. Baltimore, The Johns Hopkins University Press. 384 p.
- Stahl J. 2016. Right Moves. Chapel Hill, University of North Carolina Press. 264 p.
- Suskind R. 2004. The Price of Loyalty: George Bush, the White House, and the Education of Paul O'Neill. New York, Simon and Schuster. 432 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 22.07.2024

Received: 22.07.2024

Поступила после рецензирования: 22.08.2024

Revised: 22.08.2024

Принята к публикации: 29.08.2024

Accepted: 29.08.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Манукян Артак Ростомович, кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления, Московский государственный институт международных отношений МИД России, г. Москва, Россия

 [ORCID: 0009-0002-6625-1067](https://orcid.org/0009-0002-6625-1067)

Artak R. Manukyan, Candidate of Sciences in Politics, Associate Professor of the Department of State Management, MGIMO University, Moscow, Russia

Талагаева Дарья Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры английского языка № 6, Московский государственный институт международных отношений МИД России, г. Москва, Россия

 [ORCID: 0000-0001-7959-0741](https://orcid.org/0000-0001-7959-0741)

Daria A. Talagaeva, Candidate of Sciences in Politics, Associate Professor of the Department of English No. 6, MGIMO University, Moscow, Russia